

Современные урбанистические концепции утверждают необходимость создания пространства для людей. Однако сама идея человека с момента своего появления кардинально трансформировалась. Книга известного датского архитектора и консультанта по городскому дизайну Яна Гейла, которая называется «Города для людей», является ключевым примером для демонстрации неоднозначности этой позиции. В книге концентрируется внимание на человеке, который был забыт в критикуемом автором модернизме. При более внимательном и контекстуальном изучении текста становится ясно, что речь идет не о возврате к прежнему человеку, но о конструировании нового. Гейл описывает новую городскую идеологию, в которой его понимание человека во многом совпадает с постмодернистским пониманием его отсутствия. Понятие «человек» либо рассеивается во множестве функций и акторов города, либо отсылает к телу, а точнее, к телам, неразличимым в своей анонимности.

Ключевые слова: пространство для людей, человек, город, модернизм, машина, антропологический масштаб, игра, тело. /

Contemporary urban concept asserts the need to create spaces for man. However, the idea of a "man" transformed radically from the moment of its appearance. The book by the famous Danish architect and consultant in urban design Jan Gehl, "Cities for people", is a key example to demonstrate the ambiguity of this position. The book focuses on the concept of "man", which was abandoned in modernism. And modernism is criticized by the author. But in reality, it is not about the return to the "man", but about designing "new man". Gehl describes a new urban ideology, in which his understanding of "man" coincides with the postmodernist understanding of its absence. The "man" is multiple functions, actors of the city, and it refers to the bodies that are indistinguishable in their anonymity.

Keywords: space for people; human; city; modernism; machine; anthropological scale; game; body

Города не для людей / The Cities for No Man

текст

Марат Невлютов /

text

Marat Nevlyutov

Человек

Многие современные тексты об урбанизме, начиная с Джейн Джейкобс, Ричарда Сеннета и Ричарда Роджерса, говорят о необходимости создавать пространство для людей – счастливые, гуманные города человеческого масштаба. Это стало настолько очевидным, что кастрировало хоть сколько-нибудь критическую мысль. Однако осталось неясно, что под человеком подразумевается, откуда взялась почти религиозная настойчивость пристального к нему внимания.

Думаю, что сейчас понятие «человек» полностью дискредитировано. Человек оказывается нашим собственным фантазмом, мы грезим о его наличии, жаждем его. Целостного, свободного и прекрасного человека, как мы его помним с эпохи Возрождения, уже нет. Без серьезных изменений он прожил долго. Тем не менее работа по его уничтожению была успешно проделана. Как говорит социолог Жан Бодрийяр, мы живем во времени после оргии, мы можем лишь симулировать человека, иронизировать по поводу его существования: «Нам остается лишь изображать оргию и освобождение, притворяться, что ускорив шаг, мы идем в том же направлении» [1, с. 8].

Человек давно перестал быть целью и причиной мироздания, лишился своего трансцендентного, божественного подобия. Стоит заметить, что концепт человека был изначально симулякром, не имел оригинала. В его появлении уже была запрограммирована собственная смерть. Как замечает Жиль Делез, «катехизис, во многом питаемый платонизмом, уже познакомил нас с понятием симулякра. Бог создал человека по своему образу и подобию. Согрешив, человек утратил подобие, но сохранил образ. Мы превратились в симулякр» [2, с. 335]. Человек окончательно лишился того, что его помещало в центр и делало все наше мышление антропоцентричным. Мир перестал быть его портретом, сам человек, лишившийся божественного подобия, не нуждается в соизмерении с миром.

Современная постмодернистская мысль строила себя на преодолении всего того, что связывалось с наукой, онтологией, антропоцентризмом, воплощавшими тоталитарное мышление, стремился уйти от жесткой

детерминации, в том числе и человека. Смерть человека была его судьбой, он должен был умереть вместе с модерном и метафизикой. Преодоление человека – это попытка забыть себя, стать сверхчеловеком. Мишель Фуко в «Словах и вещах» приводит высказывание Ницше: «...тем самым философия возврата хотела сказать, что человек давно уже исчез и продолжает исчезать, а наше современное осмысление человека, наша забота о нем, наш гуманизм – безмятежно спят под грохот его несуществования» [3, с. 343].

Симптоматичным для современного урбанизма является то, что после серьезных изменений в мышлении о человеке, появляются концепции гуманного пространства, антропологического масштаба, городов для людей. Откуда же этот восставший из Возрождения человек? Что с ним стало? Зачем он снова понадобился, какие проблемы решает? По всей видимости, возникает он не случайно. С одной стороны, этот новый концепт необходим для преодоления человека модерна, утратившего свою силу. С другой стороны «человек» возвращается, как ностальгия по утраченной тождественности мира и человека.

Города для людей

Одним из главных современных заступников обездоленных машинами людей является Ян Гейл. Именно его текст «Города для людей» рассматривается как пример «нового» гуманистического мышления, о чем говорит название. Свои идеи Гейл строит в основном на критике модернистского города: «После того как более полувека мы отрицали человеческий масштаб, в начале XXI в. нам крайне необходимо вернуться к городам для людей» [4, с. 29]. Действительно, человек в модернизме отчуждается от идеализируемого пространства, становится лишним. Это было время освобождения человека от человеческого масштаба. Модернизм – это взлет человека, возвышение над собой и своим телом.

Для Гейла важным является человек и антропологический масштаб: «Человеческий масштаб – необходимый новый ориентир в планировании городов» [4, с. 5]. Речь идет исключительно о физических характеристиках пространства: размеры площадей, визуальные ориен-

тиры, высотность застройки и т. п. «Мы получаем много информации с больших расстояний, тогда как короткие дистанции приносят немногочисленные, но очень сильные и очень значимые чувственные впечатления. На близком расстоянии мы чувствуем запах и прикосновения, ощущаем температуру» [4, с. 47]. Фактически Гейл занимается феноменологией городского пространства, работает над телесным восприятием среды.

Гейл заботится о теле, о его благополучии, это он и называет «городом для человека». Однако значение человека было важным и в машинную эпоху. Посохин, например, уделяет исключительное внимание человеку в книге со схожим названием «Город для человека»: «Принципы советского градостроительства основаны на стремлении всего нашего общества к единой цели – служение человеку» [5, с. 16]. Важным для него является «сохранение и воспроизводство природы, ее оздоровительных качеств, жизненно необходимых человеку» [5, с. 9]. Конечно, в первом и втором случае авторы отсылают к разному «человеку». Человек модернизма – это машина, нуждающаяся в поддержания своего здоровья-функционирования, во втором случае это планирующее и скупающее тело. Но у них есть и нечто общее. Оба этих человека являются фрагментом города, но уже не его центром.

Помимо возвращения к телесности Гейл осознает динамичность города в его становлении. Этим он отстраняет себя от объектно-ориентированного модернизма: «Главным же является ряд отступлений от идеалов модернизма в градостроительстве, в частности при планировании новых городов и жилых районов. Растет интерес к строительству динамичных, многофункциональных районов вместо конгломерации отдельно стоящих домов» [4, с. 4]. Гейл понимает город не как совокупность объектов, но как сети взаимосвязей и отношений между всеми процессами, участниками городской жизни.

Гейл использует фразу в своем тексте: «Мы формируем города, а они формируют нас». Кажется, что человек создает города некоторым демиургическим актом, после города начинают формировать человека. Можно принять иную позицию, что города (как культура, язык) уже предзаданы в ситуации до нас и формируют человека тоталитарным образом. Я думаю, два этих действия существуют одновременно, что делает невозможным отделение города от человека и наоборот. Человек – это есть город. Такие парадоксы описывает Делез: «Именно из-за такого ускользания от настоящего становление не терпит никакого разделения или различия на до и после, на прошлое и будущее. Сущность становления – движение, растягивание в двух смыслах-направлениях сразу: Алиса не растет не сжимаясь, и наоборот. Здоровый смысл утверждает, что у всех вещей есть четко определенный смысл; но суть парадокса состоит в утверждении двух смыслов одновременно» [2, с. 15].

При такой невозможности отделения человека от города можно сказать, что человек окончательно растворен в городских процессах или, как бы сказал Фуко, в практиках. В этой логике человек не существует без города, без культуры и формирует себя в соответствии с масштабом окружающего его пространства. Человек переносит на себя масштаб города – уподобляет и уподобляется. Эпоха модерна отказалась от человека в пользу машин и механизмов, редуцировав «антропологический» масштаб. Город создавался для машинных процессов, и человек был одним из них. И если раньше он отождествлял себя с машиной, то теперь с чем-то другим, сконструированным такими текстами, как «Города для людей». Книга Гейла оставляет много вопросов, которые, по всей видимости, списываются за кажущейся очевидностью. Она становится своего рода городской идеологией, в которой человек,

антропогенный масштаб, пешеход оказываются в центре. Таким образом, Гейл создает нового «человека», которого прежде мы не знали, формирует новое представление о городах для людей.

Игра

Итак, человек не играет определяющую роль, он утратил свой специфический характер, стал неотличим от процессов, в которые вовлечен. Бодрийяр так описывает это состояние: «Таков один из аспектов общей транссексуальности, которая, помимо самого секса, распространяется и на другие области в той мере, в какой они утрачивают свой специфический характер и вовлекаются в процесс смешения или заражения – в тот вирусный процесс неразличимости, который играет первостепенную роль во всех событиях наших дней» [1, с. 14].

Но тогда встает вопрос: как в такой ситуации неразличимости анализировать, работать со структурой города? Что взять за основание и ориентир, если не человека? Город не имеет четких, заранее сформулированных правил, не имеет структуры. Он момент действия, набор акторов. Человек – это элемент в общем процессе функционирования машин, протезов, геопроцессов, животных, еды, мусора, экономики. Город в таком ракурсе очень напоминает игру.

Ведь игра лежит на поверхности и не обладает глубиной, поэтому применима для неметафизического понимания города. Она есть чистое действие, акт, не имеющий значения и цели. Игра – бессмыслица, потому что она повторяется вновь и вновь, принося наслаждение производством самой себя. Делез называет Люиса Кэрролла большим любителем игр: «Как никому другому ему удалось обойтись без смысла, но он все поставил на бессмыслицу, поскольку разнообразия бессмыслиц вполне достаточно, чтобы охватить вселенную, ее ужасы и ее славу: глубину, поверхность, объем или свернутую плоскость» [6, с. 38]. Город не может быть описан через смыслы, он, как игра, есть только сам акт высказывания, момент действия.

Игра есть специфический метод понимания города именно из-за схожей морфологии. Она есть проявление шизофренического, где обезличенность обозначает не просто пустоту собственного тела, но речь идет всегда о некоей схватке, в которой игрок воспринимает себя не иначе, как в некоей анонимности. Анонимность не принадлежит никому, включает тебя в игру и в конце концов лишает идентичности. Игра важнее играющих, их в ней нет.

Но если нет человека, субъекта действия, то что есть? Есть тела и отношения тел, анонимно вовлеченные в игру. Именно с ними работает Гейл: «Естественная отправная точка проектирования городов для людей – это подвижность человека и его чувственное восприятие, поскольку они составляют биологическую основу для деятельности, поведения и коммуникации в городском пространстве» [4, с. 33]. Для него важно, чтобы биологическому телу была предоставлена наиболее комфортная среда обитания, обещающая счастье.

Современные тексты о городе, концентрирующие свое внимание на человеке, зачастую используют это понятие, чтобы придать самому тексту знакомый, антропологический масштаб. В действительности же речь всегда о другом, новом человеке, который либо рассеивается во множестве функций, акторов, действий, им производимых, либо отсылает к телу, а точнее, к телам, так как тела в своей анонимности не различимы. Таким образом, человека нет, а города не имеют структуры, и вместо «городов для людей» мы можем скорее предложить «игры для тел».

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / пер. с фр. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
2. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
3. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. – СПб.: А-сэд, 1994. – 407 с.
4. Гейл Я. Города для людей / пер. с англ. – М.: Крост, 2012. – 276 с.
5. Посохин М. Город для человека. – М.: Прогресс, 1973. – 220 с.
6. Делёз Ж. Критика и клиника / пер. с фр. – СПб.: Machina, 2002. – 240 с.

References:

- Baudrillard, J. (2000). *Prozrachnost zla* [The transparency of evil]. Moscow: Dobrosvet
- Delueze, G. (1998). *Logika smysla* [The logic of sense]. Ekaterinburg: Delovaya kniga
- Delueze, G. (2002). *Kritika i klinika* [Critical and clinical]. SPb.: Machina
- Foucault, M. (1994). *Slova i veschi. Arheologiya gumanitarnykh nauk* [The order of things. An archaeology of the human sciences]. SPb.: A-cad
- Gehl, J. (2012). *Goroda dlya lyudey* [Cities for people]. Moscow: Krost
- Posohin, M. (1973). *Gorod dlya cheloveka* [The city for man]. Moscow: Moskva-Progress